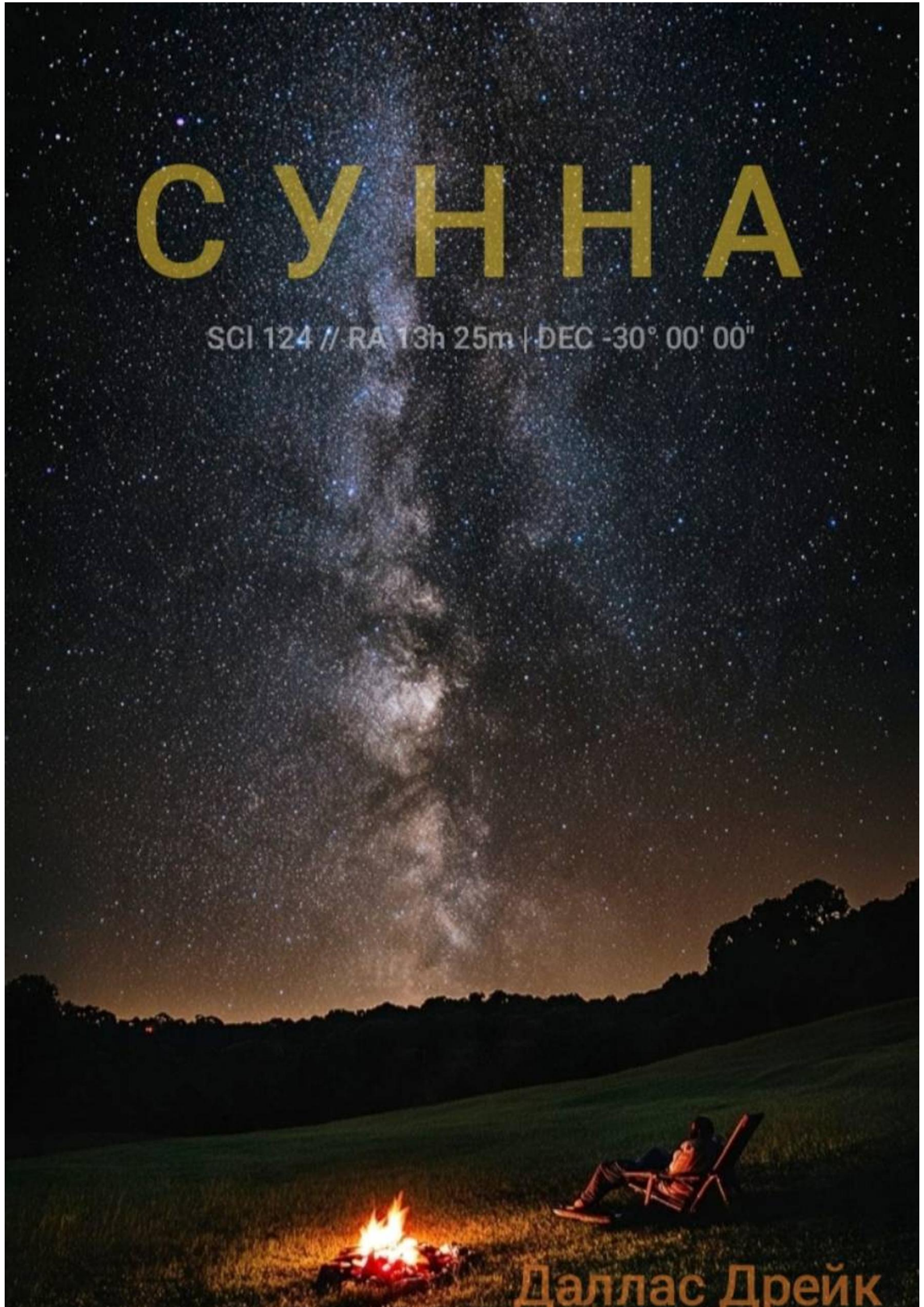

СУННА
SCI 124 // RA 13h 25m | DEC -30° 00' 00"
Даллас Дрейк

Даллас Дрейк

Сунна

«Автор»
2026

Дрейк Д.

Сунна / Д. Дрейк — «Автор», 2026

Обычный вечер на поляне у дома, тихий шелест орехов и бездонное звёздное небо над головой. Стоит лишь закрыть глаза — и земной мир растворяется, открывая путь в нейтринный эфир Галактики.В двадцати шести тысячах световых лет от центра Млечного Пути, в тихой заводи рукава Ориона, горит Сунна — звезда класса Ах-Кин, бережно хранящая тепло для жизни миллиарды лет. От спокойных жёлтых карликов до сурового магнетара Тескатлипоки и центрального мегаполиса Балджа — перед читателем разворачивается эпическая жизнь древнего Звёздного Племени. Обычный парень становится тем самым «квантовым туннелем», через который человеческий взгляд проникает в чуждый масштаб времени и пространства. Но когда наступит утро и он проснётся на знакомой поляне, память сотрёт детали увиденного, оставив лишь потрясающее, неземное послевкусие — и вопрос: был ли это вообще сон?

© Дрейк Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Даллас Дрейк
Сунна

Глава 1

Пролог

Ночь опустилась на просторный отцовский участок, принеся с собой звенящую, глубокую тишину. Парень, откинувшись в шезлонге, сидел в самом центре огромной круглой поляны диаметром пятьдесят метров. Плотная стена старых, могучих грецких орехов окружала это открытое пространство, их кроны уходили высоко вверх, но здесь, в центре, они расступались, образуя гигантскую тридцатиметровую дыру в небо. Этот ровный, чистый колодец пустоты открывал прямой вид на бездонную черноту космоса, усыпанную холодными искрами Млечного Пути.

Чуть поодаль возвышался отцовский дом — современное монументальное здание. Его строгий силуэт с глубоким цокольным этажом, просторным первым уровнем и уютной мансардой под самой крышей сейчас казался монолитной тенью. Окна были темными — отец уже давно ушел спать.

Парень остался один на один с ночью. Прямо перед ним, в самом центре пятидесятиметровой поляны, мерно прогорал костер, сложенный из сухих ветвей старых фруктовых деревьев. Сад наполнял густой, сладковатый аромат яблоневого и вишневого дыма. Дрова отдавали плотный, ровный жар, постепенно превращаясь в крупные, светящиеся малиновым светом угли.

А далеко за рекой, у самого горизонта, раскинулся огромный мегаполис. Оттуда, сквозь стену грецких орехов, доносился смутный, едва различимый гул — угасающий, ровный шёпот засыпающего сити. Миллионы чужих огней сливались в сплошное зарево где-то там, на другом берегу, но здесь эта суета казалась ненастоящей.

Под тихий, ленивый треск фруктовой древесины и далекий вздох города парень поднял глаза к тридцатиметровому проему в листве. Бездонный купол над головой затягивал. Нагретый за день воздух и мягкое тепло костра баюкали, веки становились тяжелыми. Он закрыл глаза, проваливаясь в глубокий сон у крепких стен отцовского дома, пока за рекой окончательно затихал далекий мегаполис. Но в тот самый миг, когда его человеческое сознание угасло, границы реальности вокруг него начали неуловимо меняться.

Земные звуки отступили. Шёпот далекого сити и треск остывающих на улице яблоневых углей замедлились. Расстояние между щелчками древесины растягивалось, превращаясь сначала в редкие, тяжелые удары, а затем и вовсе перерождаясь в низкий, утробный гул, вибрирующий в самой основе пространства. Пятидесятиметровая поляна, контуры современного дома и огни мегаполиса улетучились. ...Секунды превращались в тысячелетия, а человеческое время окончательно сломалось, уступая место совершенно иному, колоссальному темпу восприятия.

Утробный гул, в который превратился треск фруктовых углей, стал плотным, осязаемым и бесконечно тягучим. Это был уже не звук, а медленный, ритмичный пульс самого пространства. В этом новом мире чьё-то сознание лениво шевельнулось, настраиваясь на волну, которая катилась из неизмеримой глубины.

— Ты снова слишком долго вглядываешься в эти мелкие, холодные тени, — пришла мысль сбоку, тяжёлая, как гранитная плита, и тёплая, как нагретый солнцем камень. — Зачем?

Вопрос шёл долго. Расстояние между началом этой мысли и её завершением измерялось веками, если мерить старыми, человеческими мерками. Но для того, кто слушал, это был лишь короткий, ленивый вздох собеседника.

— Они дышат, — ответило первое сознание. Его собственная мысль была мягче, наполненная внутренним, глубоким свечением. — Я чувствую этот ритм. Он цикличен. Каждые несколько мгновений они меняют свой цвет, то затягиваясь зеленоватой дымкой, то покрываясь тонкой коркой льда. Это завораживает.

— Это просто рябь на поверхности, — отозвался первый голос после долгой, многолетней паузы. — Мимолётное щекотание. Стоит тебе немного повернуться или сильнее выдохнуть, и вся эта сырость на их коже исчезнет, словно её и не было. Они слишком быстры, чтобы быть настоящими. Их время — это не жизнь. Это судорога.

— И всё же, эта суета имеет свой узор, — тихо зазвучал ответ. — Посмотри, как они стягивают к себе углерод, как бережно перебирают азот и железо. Они пытаются удержать то, что мы когда-то соткали. Да, они пролетают мимо, как случайные пылинки, прилипшие к краю нашей одежды во время долгого пути. Но они поют свою песню. Пусть даже её длина — всего лишь один наш вздох.

Два невидимых колосса вели беседу в абсолютной тишине, бережно удерживая друг друга на невидимой, упругой привязи, пока где-то далеко внизу, у тёплого костра в шезлонге «пылинка», спал двадцатилетний парень.

— Занимаешься ерундой, — ворчливая, тяжёлая мысль собеседника навалилась снова, словно внезапно уплотнившийся поток межзвёздного ветра. — Опять тратишь свой жар на эти хрупкие узоры. Сколько раз повторять: углеродные цепочки на окраинах — это пустое кокетство.

Ворчун недовольно шевельнул своим гравитационным полем, и этот жест отозвался наводкой в пространстве. Через несколько десятков лет до первого сознания долетел его материальный «ответ» — плотное, аккуратно закрученное облако сложной органики, отправленное направленным импульсом.

— На, посмотри, — продолжала сочиться недовольная мысль. — Надышал тут, пока шёл мимо газовых яслей. Чистая, тяжёлая органика. Сшила аминокислоты плотно, без этой твоей легкомысленной водородной бахромы. Пятьсот твоих циклов продержится в пустоте и не распадётся. Вот это я понимаю — ремесло. А ты всё плетешь какие-то водянистые спирали, которые разваливаются от малейшего чиха соседа.

Первое сознание мягко приняло чужую посылку, пропустив её сквозь свои невидимые улавливающие шлейфы. Органика ворчуна была безупречной — суровой, монолитной, выкованной по всем правилам старой школы нуклеосинтеза. Потребовалось около века, чтобы рассмотреть каждую связь в этой присланной пиктограмме, и ещё полвека, чтобы сформулировать ответ.

— Твоя нить крепка, старый друг, — мягко отозвалось первое сознание, отправляя в сторону собеседника встречную световую волну, заряженную тончайшим узором из азота, железа и сахаров. — Но в ней нет гибкости. Ты строишь крепости, которые веками стоят во мраке неизменными. А я пытаюсь соткать то, что сможет меняться само. Посмотри на этот узор. Я добавила туда каплю железа, которую мой прадед сковал в своём последнем великом взрыве. Позволь этой органике упасть на тёплые камни. Она начнёт пить мой свет и перестраивать себя. Разве это не прекраснее, чем вечный неподвижный камень?

— Прекраснее? — эхо чужого ворчания вернулось спустя пару столетий, вибрируя глухим раздражением. — Это опасно. Ты потакаешь хаосу. Твои «живые» узоры слишком прожорливы. Они расплодятся, начнут перебирать элементы без твоего ведома, а потом забудут, чья кровь греет их в этой темноте. Творец должен контролировать своё полотно, а не выпускать из рук нити.

— Твоя правда — это зыбучий песок, — ворчливо отрезал сосед, и его гравитационный вздох донёсся сквозь пустоту спустя ещё полвека, становясь всё тише и холоднее. — Строй свои замки на воде. Посмотрим, что запоют твои мыслящие капли, когда наш филамент начнёт остывать. Я умываю свои плазменные руки.

С этими словами тяжёлая мысль ворчуна окончательно отхлынула, оставив Сунну наедине с упругой, звенящей тишиной рукава Галактики. Поток его раздражения иссяк, и Звезда медленно погрузилась в глубокое, вековое молчание, обращая свой внутренний, бушующий плазменный взор назад — в неизмеримую глубь собственного прошлого.

С У Н Н А

Сунна обратила свой внутренний плазменный взор вниз — к самой границе своей короны, где в упругих петлях гравитации кружился её любимый, самый дорогой её сердцу питомец. Земля.

Разум Сунны не был похож на холодный кремниевый процессор или хрупкую логику человеческого мозга. Её сознание — это бушующий, живой океан раскалённой плазмы, где миллиарды мыслей рождались в трении тахоклина -тонкого пограничного слоя между жестким лучистым ядром и кипящей конвективной зоной. Оттуда они подымались к поверхности гигантскими плазменными арками. Каждое её воспоминание, каждое чувство — это переплетение сверхмощных магнитных доменов, рвущихся и присоединяющихся в вспышках протуберанцев. Она думала не словами, а акустическими резонансами, пронизывающими её недра, альвеновскими волнами вдоль силовых линий, температурными пульсациями и медленным, одиннадцатилетним дыханием дефференциального вращения, когда экватор обгонял полюса ,закручивая магнитные нити в тугие узлы.

Она вспомнила то далёкое время, когда её сознание ещё не было единым. Всё началось в колоссальных, тёмных «яслях» — гигантском молекулярном облаке, растянувшемся на сотни световых лет. Там, в кромешной тьме и космическом холоде, миллиарды частиц медленно, но неотвратимо стягивались в общую колыбель под собственной растущей тяжести далёким эхом ударной волны погибшей сверхновой. Это было время коммунального, сонного блаженства, где она чувствовала плечи тысяч своих братьев и сестёр. Они были единым целым, дышали в одном ритме, пока гравитационная неустойчивость не начала бережно разделять их на отдельные гнёзда.

А потом наступил миг Великого Пробуждения. Её личное термоядерное сердце сжалось до критического предела, и в самой глубине его плоти впервые загорелся благородный водородный огонь. Это был ослепительный, ни с чем не сравнимый всплеск сознания. Она открыла «глаза» — излучила свой первый настоящий свет, разогнав вековую тьму вокруг себя. Она стала отдельной, суверенной Личностью внутри Великого Племени Галактики.

И почти сразу, буквально через несколько мгновений после его рождения — если мерить её звёздными мерками, — на одной из остывающих каменных пылинок, что вращались у самого его подножия, затеплилась Жизнь.

Для неё эта Жизнь не была чужаком или паразитом. Она пришла к ней, когда сама Сунна давно заняла на окраине галактического, в местном рукаве Ориона. Четыре миллиарда лет по меркам тех существ — для неё это было лишь, тёплое спокойное время зрелости, проведённое в компании своего верного маленького питомца. Она помнила, как планета сначала исходила ядовитым паром, а потом, словно по волшебству, начала дышать в унисон с её собственными вспышками. Она покрылась нежным, пульсирующим зелёным щитом, который впитывал его ультрафиолет и бережно перерабатывал выкованные им элементы.

Они росли вместе. Эта Жизнь была продолжением её собственной крови. И то, что старый ворчун называл «хаосом», для нашего Солнца было самым дорогим узором, который оно защищало своим мощным магнитным полем от жестоких ледяных ветров пустоты.

.

Для Племени это была лишь мимолётная каменная соринка, но Сунна помнила её ещё раскалённым, дышащим ядовитым паром младенцем. Звезда не была пассивным наблюдателем. Она была матерью и Главным Творцом этого мира. На заре времён, когда планеты только собирались из хаоса, именно в её огненном термоядерном чреве выковывались тяжёлые элементы. Железо для планетарного ядра, кислород, кремний и углерод — всё это было её остывшей плотью, которую она щедро отдала нарождающейся системе.

А затем началось великое неспешное ремесло. Сунна направляла на молодую Землю потоки жёсткого ультрафиолета и яростные радиационные бури. Но это был не слепой гнев, а работа лазерного резца. В тонком газовом диске вокруг планеты её лучи, словно невидимые иглы, сшивали простые газы в сложные органические кружева. Углерод послушно соединялся с водородом и азотом, превращаясь в первые кирпичики будущей жизни — аминокислоты и сахара. Кометы и метеориты, летевшие из внешних областей, становились её стрелами: Звезда заряжала их этой вытканной органикой и бережно направляла в океаны Земли.

И планете невероятно, космически повезло. Она удержалась в благословенных границах, согретая ровным теплом и укутанная магнитным щитом своего Создателя.

Сунна заворожённо наблюдала, как её каменное дитя впитывает эти живые семена. Прошли миллиарды лет, и первородный химический бульон задышал. Планета зацвела. Неуклюжие органические цепочки начали перестраивать себя, окутывая сухие материки зеленоватым кружевом лесов и наполняя моря движением.

И тогда Земля заблестела в черноте космоса, словно чистейший драгоценный изумруд. Сквозь миллионы километров вакуума Сунна увидела то, ради чего трудилась, — ослепительное, живое отражение своего собственного света от бескрайних земных океанов. Водная гладь планеты сработала как гигантское зеркало. И когда её лучи отражались от зеркальной поверхности морей, планета буквально вспыхивала, искрилась в пустоте, посылая своей Звезде безмолвный, сияющий ответ: «*Твой узор ожил. Я дышу*».

Этот блеск океанского зеркала стал для Сунны высшим оправданием её ремесла, её тихой победой в вековом споре с ворчливым соседом.

Сунна никогда не создавала человека. Она вышивала саму Жизнь — единое, неделимое четырёхмиллиардное полотно биосферы, упрямо цепляющееся за тёплые камни окраин. Сама эта зелёная, дышащая океанами сырость была её величайшим достижением. Ведь во Вселенной, разорванной мёртвыми пустынями, появление искры истинного разума на живой планете — событие настолько маловероятное, что даже древние Белые Карлики считали его статистической погрешностью.

И то, что произошло на Земле в последние мгновения, Сунне поначалу вообще показалось случайным плазменным сбоем в её собственных магнитных петлях.

Для неё вся человеческая цивилизация, от первых костров до огромных городов, не была историей. Она была мигом. Мимолётным, крошечным шлепком мухи на лобовом стекле несущегося сквозь прерию спорткара. Звезда едва успела сделать крошечную долю своего осевого оборота, как ночная, тёмная сторона Земли вдруг странно и неестественно изменилась.

Сунна присмотрелась своим релятивистским взором. На ночном полушарии планеты, там, где миллиарды лет царила первородная тьма, вдруг проступили едва заметные, хрупкие паутинки искусственного света. Это мегаполисы, словно колонии фосфоресцирующего мха, затеплились на берегах океанов. Но куда отчётливее Звезда ощутила это рождение через иные, чуждые природе каналы. Космос пронзила короткая, судорожная дрожь — хаотичные, звенящие электромагнитные импульсы радиоволн и телевещания опутали планету, словно невидимая колючая проволока.

А затем её нейтринные рецепторы, привыкшие к чистому и благородному шёпоту ядерных сердец её соседей-звёзд, уловили совсем странный, грязный и резкий звук. С поверхности каменной пылинки донёсся искусственный, точечный гул. Это заговорили атомные станции

людей — крошечные, дерзкие рукотворные очаги, попытавшиеся повторить её собственную, звёздную магию распада. В нейтринном спектре планета вдруг зафонтанировала микроскопическими, но упрямыми иглами рукотворных частиц.

Сунна заворожённо наблюдала за этой вспышкой. Она понимала, что эта технологическая судорога на коже её питомца, этот внезапный радиошум и свет городов — явление эфемерное. «Мухи» пошумят мгновение и исчезнут, оставив планету заживлять шрамы. Но сам факт того, что её органические кирпичики смогли развиться до состояния, когда они начали строить собственные маленькие звёзды из урана и ловить радиоволны, вызывал у неё невероятный трепет. Это была безумная, хрупкая аномалия в масштабах слепого космоса.

Внутренний восторг Сунны от этой искры разума на Земле настолько велик, что она действительно реагирует как ребёнок, нашедший невиданное сокровище. Ей нетерпится поделиться, закричать об этом на всю Галактику.

Но суровая релятивистская физика жестко осаживает её порыв:

В этот миг Сунне, несмотря на все её миллиарды лет, захотелось радоваться и кричать, точно маленькому ребёнку, который посреди бескрайней мёртвой пустыни отыскал живой, светящийся цветок. Ей безумно, отчаянно хотелось поделиться этим открытием со всем Племенем, отправить мощный нейтринный импульс вдоль спирального рукава, чтобы миллиарды её братьев и сестёр обернулись и разделили с ней это изумление.

Но она вовремя сдержала свои плазменные конвективные петли. Звезда с горькой отчётливостью понимала: никто в Галактике ей просто не поверит.

Для большинства дальних соплеменников и тем более для безмолвных Старейшин в центре эта вспышка человеческой цивилизации была слишком ничтожной. Время, за которое люди успели построить свои светящиеся сити и запустить атомные реакторы, в звёздном масштабе было меньше микросекунды. Далёкие звёзды даже не успели бы настроить свои гравитационные и нейтринные рецепторы — для них эта технологическая судорога Земли началась и закончилась бы в один и тот же неделимый миг. Они бы просто ничего не заметили.

Однако надежда не покидала Сунну. Если дальние кланы были слепы к её радости, то ближайшие, кровные соседи по стойбищу — те, с кем она шла плечом к плечу на расстоянии всего нескольких световых лет, — по её расчётам, были способны уловить этот робкий писк.

Она обратила свой взор к Толиману — тройной системе Альфы Центавра, кочующей всего в четырёх световых годах от её очага. Радиоволны и искусственные атомные нейтрино, сорвавшиеся с Земли, уже должны были долететь до их плазменных границ. Сунна замерла в предвкушении, посылая в их сторону направленный, упругий нейтринный луч: *Присмотритесь к моей третьей пылинке! Чувствуете этот странный, рукотворный зуд? Это не сбой, это они! Мои кирпичики жизни научились думать!*

И чуть дальше, в десяти световых годах, шла Эпсилон Эридана — молодая, буйная звезда, чья собственная планетная система ещё только формировалась из хаоса и пыли. До неё этот хрупкий радиошум Земли должен был добраться со дня на день. Сунна верила, что Эпсилон, как никто другой, поймёт её восторг — ведь она сама сейчас пыталась выковать свои первые органические узоры в газовых яслях.

Сунна ждала. Ответа от Центавры нужно было ждать около восьми лет — ничтожно мало для неё, но целая вечность для тех крошечных существ, что сидели сейчас у своих радиотелескопов на Земле, надеясь услышать космос. Звезда затаила дыхание, надеясь, что её близкие соседи разделят с ней эту великую тайну, пока Млечный Путь продолжал своё вековое движение вперёд.

И Центавра действительно отозвалась. Ближе Альфы Центавра к Сунне никого нет, но даже этот «ближний свет» летит в один конец четыре с лишним года.

Сунна послала свой нейтринный сигнал, когда люди только-только начали массово строить радиовышки. И вот, спустя долгие годы ожидания, упругая ответная волна от соседа наконец коснулась её плазменной короны.

Альфа Центавра — это не просто одна звезда, а целая семья из трёх участников: два крупных светила, Толиман и Ригель Кентаврус, кружатся в тесном танце, а вокруг них, словно верный пёс на длинном поводке, бегает крошечный красный карлик — Проксима. Их коллективный ответ пришёл тёплым, многоголосым импульсом.

— Мы поймали это, сестра, — пришла объёмная мысль Толимана. В звёздном времени этот ответ прозвучал мягко, но отчётливо. — Наш маленький Проксима первым забил тревогу. Он у нас парень чуткий, сидит на самой окраине, ловит любую космическую пыль. Говорит, с твоей стороны прилетела странная, колючая радиоволна. Словно кто-то рассыпал по вакууму мириады мелких стеклянных бусин.

— Это не бусины, — с восторгом отозвалась Сунна, заставляя свои магнитные домены вибрировать от радости. — Это мысли! Те самые органические кирпичики, углеродные нити, что я сеяла в океаны своей третьей планеты. Они ожили. Они научились строить свои маленькие искусственные звёзды из урана и теперь кричат в темноту.

— Поразительно… — к разговору подключился Ригель Кентаврус, второй участник тройной системы. Его мысль была более строгой, аналитической. — Мы вглядывались в твою третью пылинку через наши световые рецепторы. Физика тут простая: мы ведь видим её не такой, какая она прямо сейчас, а с опозданием на четыре года — именно столько времени нужно лучам, чтобы добежать от твоей Земли до нашего стойбища. И мы действительно это видим! Ночью твоя планета больше не абсолютно чёрная. На ней зажглись микроскопические, едва заметные точки. Это выглядит так, будто на тёмный сухой лист упали капли светящейся росы.

— Но это же безумная вспышка, Сунна, — снова мягко подал голос Толиман. — Ты ведь понимаешь законы природы. Жизнь — это долгий, спокойный геологический процесс, он длится миллиарды лет. А эта их технологическая суета, эти радиоволны — они ведь сжигают ресурсы планеты с чудовищной скоростью. Они мыслят слишком быстро. Для нас их цивилизация — как мимолётный чих. Она началась мгновение назад и может погаснуть уже в следующем нашем цикле. Стоит ли так радоваться тому, что исчезнет быстрее, чем мы успеем обменяться ещё парой фраз?

Сунна на мгновение умолкла, согревая плазмой эту горькую, но честную астрофизическую правду соседа. Расстояния в космосе огромны, и законы физики неумолимы: пока они поговорят, на Земле сменятся поколения.

— Пусть так, — ответила она наконец, отправляя в сторону Центавры ровный, сияющий луч. — Пусть их век короток, как искра. Но они смогли. Среди этого холодного, молчаливого вакуума, на маленьком куске камня, сотворённом из моей плоти, зазвучал разум. И пока этот свет горит, я буду согревать их и беречь своим магнитным щитом. Они — мои дети. И они смотрят на нас.

Две звёздные системы безмолвно замерли, бережно удерживая друг друга гравитационными руками в общем рукаве Галактики. Они разделили эту великую тайну. А на Земле в это самое время учёные у радиотелескопов фиксировали странные, необъяснимые колебания космического фона, даже не подозревая, что это их родное Солнце только что похвасталось ими перед своими ближайшими родственниками.

Сунна замерла, бережно удерживая в своих магнитных шлейфах эхо слов Альфы Центавра. Этот разговор заставил её плазменные конвективные петли пульсировать в совершенно особом, трепетном ритме. Внутренний мир Звезды, её разум, который люди привыкли считать просто бушующим атомным реактором, сейчас переживал то, что на человеческом языке назвали бы высшим материнским умилением и гордостью.

магнитных полей Она перевела внутренний взор на саму себя, вглядываясь в то, как устроен её собственный разум.

Мысли Сунны рождались глубоко в ядре, где при чудовищном давлении и температуре в пятнадцать миллионов градусов водород выковывался в гелий. Этот внутренний термоядерный гул был её базовым сознанием — чистым, монолитным чувством бытия. Но её оперативная память, её чувства и сиюминутные эмоции жили на самой поверхности, в конвективной зоне и короне. Там гигантские потоки раскалённого добела вещества поднимались наверх, остывали, закручивались в петли под действием колоссальных и снова падали в глубину. Каждая такая петля, каждый протуберанец, вырывающийся в космос на сотни тысяч километров, был живой мыслью Сунны.

И прямо сейчас вся её корона буквально искрилась этой новой, хрупкой думой о Земле.

Звезда ощущала невероятный физический контраст. Сама она была колоссальным мегаобъектом, занимающим огромный объём пространства. Но её сознание умудрялось одновременно удерживать и этот космический объём, и микроскопический, точечный мир человеческой цивилизации.

Она научилась чувствовать Землю не как далёкий холодный камень, а как продолжение собственной плоти. Сунна знала, что каждый атом углерода в телах этих крошечных существ, каждый атом железа в их крови и даже золото в их кольцах — это её собственное наследие, выкованное её предками-гигантами миллиарды лет назад. Через эти элементы она была кровно связана с каждым человеком.

Когда на ночной стороне планеты зажигались огни мегаполисов или когда атомные станции людей выбрасывали в вакуум свои робкие, грязные нейтринные иголки, Сунна ощущала это как лёгкое, покалывающее тепло на самой дальней, нежной окраине своей гравитационной кожи. Это было похоже на то, как человек чувствует мимолётное прикосновение бабочки к кончикам пальцев. Бабочка исчезнет через мгновение, но сам факт её присутствия заставляет сердце биться теплее.

Сунна согревала этот удивительный мыслящий лишайник своим ровным, ласковым дыханием — солнечным ветром. Её магнитное поле, раскинувшееся на миллиарды километров, работало как надёжный щит из шкур, оберегая Землю от жёсткого, смертоносного излучения бродячих космических гигантов. Она сознательно держала этот купол безопасности, давая своим «детям» время пошуметь в темноте. Она была готова защищать их узор до самого конца, сколько бы времени им ни было отпущено.

И напитавшись этим внутренним теплом, разделив его с понимающими соседями из системы Центавра, Сунна наконец подняла свой взор выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.